

©1991 г., СЭ, № 6

Н. Я. Дараган, Й. Лангер

РАСПАД АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ

Сейчас, когда Советский Союз находится в ситуации стремительных национально-государственных изменений, вопросы исторических аналогий актуальны как никогда. Как социальные антропологи, мы обращаемся к теориям и историческим примерам. С точки зрения теории наше внимание привлекают такие направления, как теория модернизации, исторические теории роста и падения империй (от Ибн Калдуна через К. Маркса до современных авторов, как, например, Пол Кеннеди, Валлерштайн)¹, вплоть до очень популярных учений о конце истории (Фукуяма)². В недавней европейской истории особо интересен опыт Австро-Венгерской монархии, которая, как и СССР, была гетерогенным многонациональным образованием. В связи с этим хотелось бы рассмотреть в общих чертах как сам процесс и результат распада Австро-Венгрии, так и возможные аналогии, определяющие некоторые прогнозы для СССР.

Представить этот вопрос советскому читателю интересно еще и потому, что в западных странах широко обсуждается проблема Центральной Европы, ее национальные и культурные характеристики, а это возвращает к историко-культурному единству Габсбургской монархии. И наконец, будущее недавних социалистических стран в значительной мере определяется их участием как в общеевропейских структурах, так и во вновь складывающихся коалициях.

Рассмотрение указанного круга проблем представляется нам следующим образом: прежде всего краткое описание Австро-Венгрии в начале столетия, а затем некий итог ее исторического развития в контексте Европы, третье — выявление причин падения империи и оценки этого явления в литературе, далее мы попробуем проследить, что произошло с бывшими территориями Австро-Венгерской монархии после ее падения, и сопоставить это с процессами, идущими в СССР.

Как показывает само название Австро-Венгрии, это была двуединая монархия с 1867 г. до ее конца в 1918 г., с центрами в Вене и Будапеште. Но хотя империя имела два центра, Вена была Reichs-und Residenzstadt, резиденцией императора, местом размещения общих государственных структур: военного министерства, министерства внешней политики и министерства финансов. Во всем остальном управление было разделено. Будапешт правил от Хорватии и Адриатического моря до Словакии и Трансильвании; Вена — от Тироля до Галиции на востоке и Богемии на севере.

Население монархии составляло в начале века около 50 млн. человек и говорило на 15 языках. Этнически население может быть разделено приблизительно так: 1/3 — германская по этническим корням группа, менее 1/3 — венгры и примерно столько же — славяне (чехи, словаки, русины, поляки, словенцы, хорваты, сербы). Кроме того, вместе около 10% итальянцев, румын, евреев, албанцев³. В основном в империи был распространен католицизм, но имелось и значительное протестантское меньшинство, православные и немного мусульман.

Хотя этнически монархия была гетерогенна, географически это государство было вполне компактно, что видно на всех картах. Оно было окружено горами и связано воедино рекой Дунай. Выше уже говорилось, что монархия представляла сложный этнический и политический комплекс. Чтобы понять взаимоотношения его частей, надо оглянуться на историю монархии. С XII до XIX в. правление династии Габсбургов, расположившихся в Вене, было тесно связано со всей по-

* К этому неопределенному термину приходится прибегнуть, чтобы показать разнородность германоязычного населения монархии: тирольцев, судетских немцев и др.

литикой Священной Римской империи германской нации. Большую часть времени существования монархии ее глава был выходцем из их семьи. В период расцвета Габсбургской монархии она объединяла не только Австрию и Нидерланды, но и Южную Италию и Бургундию со всеми ее заморскими колониями. При испанском Габсбурге Карле V (1519—1556 гг.), императоре Священной Римской империи германской нации, «солнце в империи не заходило». Это было время величайшей экспансии. Империя представляла единую силу, которая объединялась с католической церковью в борьбе против реформации. Союз с католицизмом — основной культурно-политической силой периода становления Австро-Венгерской монархии — был причиной не только ее широкой экспансии, но и последующего долгого и мучительного распада. В конце Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) северная часть страны стала протестантской, но Габсбургский дом сохранил свою приверженность католицизму. Империя утратила идеологическое и духовное единство. Если мы примем точку зрения большинства социологов, считающих, что протестантизм был важнейшей силой в создании буржуазного общества, то Габсбургский дом, следуя традиционной религии, сделал неверный выбор. С XVI в. империя и Габсбургский дом непрерывно теряли позиции⁴. Они были вытеснены из Западной и Северо-Западной Европы и постепенно также теряли свое влияние в Священной Римской империи германской нации. Пруссия формировалась в новую противодействующую Габсбургам силу. При таком развитии экспансия была возможна только в направлении менее развитых регионов — на юго-восток, где удавалось потеснить другую лоскутную империю — Османскую. Уже в середине XVIII столетия, когда Габсбурги все еще были правителями Священной Римской империи и земель к востоку от нее, они вынуждены были уступить пруссакам Силезию. Значительный шаг назад был сделан после Великой Французской революции и наполеоновских войн, в ходе которых Священная Римская империя прекратила существование (1806 г.) и Габсбурги ограничились новым политическим единством (1804 г.) — Австрийской империей, которая включала наследственные земли Габсбургского дома на Востоке, такие как Венгрия, Словения, Хорватия. Дальнейшее отступление произошло в 1859 г., когда в войне с Францией и Пьемонтом Габсбурги потеряли свои владения в Северной Италии и образовалось новое итальянское государство. И наконец, в 1866 г. габсбургская Австрия вытеснена из Германского союза, которым теперь правили пруссаки, после чего ослабленная монархия, сделав уступку Венгрии, превратилась в дуалистическое государство — Австро-Венгрию. В австрийской ее части осуществились основные демократические права — право собственности, свобода слова, свобода союзов и др., была принята конституция, которая лежит в основе современной австрийской конституции, был избран парламент, в который входили представители буржуазии, а затем и рабочих. В Венгрии переход к буржуазной демократии был медленней, хотя и там собирався парламент. В особых случаях император мог управлять страной посредством указов. Этим были заложены основы для становления современного общества, но, как это не раз бывало в истории Австрии, возможности не реализовывались последовательно и демократическое развитие осуществлялось неровно, с отступлениями.

Исторические трансформации и географическое перемещение империи на юго-восток были непосредственной причиной ее деградации и окончательного упадка. Наиболее экономически развитые и динамичные в своей культуре районы оказались за пределами Габсбургской монархии. В начале XIX в. отделились Австрийские Нидерланды — современная Бельгия, затем произошло формальное разделение с Германией, под сильным влиянием которой Австро-Венгрия все же оставалась. Империя оказалась полностью вытесненной за пределы городского пояса — дуги, один конец которой находится в Южной Англии, а другой — в Северной Италии, охватывает территорию Франции, Бельгию, юг Германии, Нидерланды. Благодаря высокоразвитой городской культуре эти земли стали наиболее богатыми в Европе в начале нового времени и остаются ими по сей день⁵. Взамен этого монархия приобрела отсталые сельскохозяйственные районы со слабо развитой экономикой, традиционным провинциальным и сельским населением (например, Галицию, Боснию).

Таким образом, в начале XX в. Австро-Венгрия оказалась одним из наименее урбанизированных государств Европы. Если признать урбанизацию важным фактором прогресса, то весьма существенно, что лишь 8,8% населения империи проживало в городах, тогда как в Англии — 35% и в Германии — 21%. Лишь Россия со своими 7% отставала от Габсбургской монархии. В связи с этим экономическое развитие Австро-Венгрии не было столь значительным, как у ее главных соперников. Например, производство стали в Австро-Венгрии в 1913 г. составляло 2,6 млн. т. (так же, как в России), почти вдвое больше, чем в 1819 г. Но в Германии тогда же было 17,6 млн. т — в 4 раза больше, чем в 1819 г. Другой показатель экономического развития — сравнительная доля страны в мировой индустриальной продукции: доля Австро-Венгрии составляла 4,4%, как и в 1880 г., России — 8,2% (ее доля тоже не очень изменилась с 1880 г.), тогда как доля Германии составляла уже около 15%, почти вдвое больше, чем в 1880 г. Эти цифры показывают нам, что Австро-Венгрия была сравнительно медленно развивающимся обществом и в то же время имела очень динамичного соседа — Германию⁶. В 1914 г. доход на душу населения в Германии был в 3 раза выше, чем в Австро-Венгрии (18,4 и 57 долл.). В то же время в России он составлял 41 долл.⁷ Можно даже сказать, что в начале столетия Австрия по сравнению со своим северным соседом Германией не двигалась вперед, а деградировала.

Экономическое неравенство внутри монархии было также очень значительно. В Нижней Австрии и Богемии доход на душу населения был значительно выше, чем в Боснии и Буковине. В Нижней Австрии в 1910 г. доход на душу населения составлял 850 крон, в Далмации — 264 кроны, в Галиции — 316 крон, в Буковине — 310 крон. Там же 73% населения было занято в сельском хозяйстве, в то время как по всей монархии — только 55%⁸. Это отставание вызывало эмиграцию и сильную миграцию в Вену. Государство истощалось также благодаря непропорциональным расходам на армию.

Легко представить, что все указанные факторы воздействовали и на самосознание жителей, особенно на германоязычную часть элиты, которую привлекали большие успехи бисмарковской Германии. В конце XIX в. сильная группа германоязычной буржуазии стремилась к расколу государства и присоединению австрийской части к Германии. В этом проявлялась так называемая *grossdeutsche* (великонемецкая) общность самосознания, тогда как *kleindeutsche* соотносилась только с бисмарковской Германией. Прогермански настроенная буржуазная верхушка испытывала приверженность скорее к немецкому правящему дому — Гогенцоллернам, чем к императору Францу-Иосифу. Германские правители сознательно усиливали центробежные тенденции в Австрии. Случалось также, что политика Бисмарка поддерживала венгров и отдельные группы славян (чехов, словенцев) против правящих Габсбургов. Надо принять во внимание и то, что во второй половине XIX в. идея нации укоренилась в сознании граждан Австро-Венгерской монархии.

Существуют две концепции нации и национальной принадлежности. Во Франции в ходе революции сложилась концепция нации как гражданства. *Citoyen* (гражданин) — тот, кто, следуя своим интересам, участвует в жизни государства; и нацией может быть только общество, имеющее конституцию. Другая — германская концепция делает акцент на языке и духе, историческом родстве и предполагает, что одним из основных определителей нации является язык. Понятия *Staatsnation* и *Kulturnation* полностью выражают это различие⁹. В Австро-Венгерской монархии возобладали германская концепция *Kulturnation* и все ее народы, говорившие на 15 различных языках, имевшие свою историю и традиционную культуру (*Volkskultur*), но не современную городскую и интеллектуальную, формировавшуюся уже в пределах всего государства, прониклись стремлением образовать свою собственную нацию, в смысле *Kulturnation*.

Та часть элиты, которая все же идентифицировала себя с монархией, пыталась противодействовать националистическим движениям с помощью концепции австрийского патриотизма, который был далеко не столь убедительным, поскольку подразумевал главным образом идентификацию с правящей династией, приверженность личности императора. Это было анахронизмом и не соответствовало

умонастроениям людей нового времени. К тому же и личность императора не вызывала подобных чувств.

Император Франц-Иосиф правил с 1848 по 1916 г. Это было самое длительное правление в Европе. Люди и история видели разные ипостаси австрийского императора. Для одних его патриархально-величественный облик был воплощением порядка и справедливости. Портрет его, в мундире, с бородой и благодушным взглядом, и сейчас еще можно видеть в некоторых домах Центральной Европы. Современные исследователи воспринимают его по-другому. Признавая в императоре сильное чувство долга, они подчеркивают его стремление управлять, быть абсолютным монархом. Отмечают невротический характер Франца-Иосифа и трудности в общении с другими людьми. Его изображают скорее бесчувственным администратором, чем подлинным духовным вождем своей империи¹⁰. И вероятно, важнее всех личностных характеристик то, что он не принимал никаких нововведений, все новое прокладывало себе дорогу во время его правления с большим трудом, в борьбе. Плодотворные идеи о реорганизации империи зарождались даже в семье монарха, но и там он стремился их подавить. Его сын Рудольф покончил жизнь самоубийством, встречая постоянное противодействие и подавление со стороны отца. Сын императора весьма скептически относился к союзу с бисмарковской Германией, в то время как отец находился в полной духовной зависимости от пруссаков, доверял им и подчинял австрийскую политику германским интересам. Преданность Германии он ставил так высоко, что никогда не пытался заключить иной союз, например с Францией, что попробовал сделать его преемник Карл, но слишком поздно. Конец был предreshен, и правление Карла длилось лишь 2 года. Франц-Иосиф чувствовал конец монархии и говорил, что будет последним императором Европы. Он не искал поддержки своих советников, но обращался за советом к католической церкви.

Здесь уместно вспомнить, что в Священной Римской империи, от которой Австрия ведет свое происхождение, власть воспринималась как дарованная Богом, императора короновал папа. Таким образом, неудивительно, что Габсбургская династия была тесно связана с церковью. Династия зависела от церкви, но верно и обратное: церковь зависела от монаршей политики. Мы упомянули выше, что упадок Габсбургов начался в XVII в., когда католическая церковь в результате Тридцатилетней войны должна была разделить свое влияние на севере и в центре Европы с новой формой христианства — протестантизмом. Но также и в своей сфере влияния католичество приходилось все чаще сталкиваться со светским мировоззрением. История идей в Габсбургских землях после реформации характеризуется непрерывными арьергардными боями католической церкви с институтами высшего образования и науки. Когда позиции уже невозможно было защищать, духовенство старалось хотя бы ограничивать развитие современной науки по своему усмотрению. Очень часто в этом оно получало поддержку Габсбургского дома. Например, в первой половине XIX в., при знаменитом канцлере Меттернихе, была введена строгая цензура, не дававшая немецкой идеалистической философии проникнуть в пределы монархии. Гегеля и Канта можно было читать только тайком¹¹. Цель, которую мы можем определить теперь в этой политике, заключалась в том, что научное мышление должно было ограничиваться частными прикладными исследованиями или научным наблюдением и описанием материального мира. Концептуализация целостности человеческого существования находилась в ведении религии. Эта политика оставила глубокий след в австро-венгерской интеллектуальной культуре. В этой противоречивости экономической отсталости, национальной двойственности и конфликтов, в столкновении прошлого и будущего создавалась атмосфера конца, гибели, так сильно ощутимая в литературе и музыке. Описание смерти человека, агонии, безнадежной предсмертной борьбы — сюжет, которого не минуют видные австрийские писатели — Артур Шницлер, Франц Верфель, Герман Брох. Критики упрекали их в эстетском любовании смертью. В то же время строится и своеобразный сюжет недействия, в котором кульминацией выступает отказ героя от совершения поступка, как в рассказе «Жена мудреца» А. Шницлера. Такая ситуация в литературе (кстати, повторяющаяся сейчас в советской) отражала духовный кризис

социума и осознание им своей неспособности к преодолению и выходу в будущее .

Социальный кризис совпал с небывалым расцветом искусства и гуманитарных наук, что вполне закономерно: одни делают историю, а другие переживают и осмысливают ее. Именно тогда, когда Вена оказалась вне большой политики, когда упадок монархии и беспомощность ее правителя стали очевидны, на рубеже веков, она приобрела свое значение всеевропейской столицы наук и искусств и заслужила эпитет «колыбели модернизма» (Карл Шорске)¹². Сложилась внешне парадоксальная ситуация: технический и индустриальный прогресс, богатство, международное влияние — все это связывается с Германией, Англией, Соединенными Штатами, но именно в Вене современное общество — индустриальное, быстро меняющееся, выражающее все в числах, осваивающее новые социальные роли, беспокойное и неуверенное — осознает и выражает себя особенно полно.

Архитектура Вены начала столетия — Jugend-стиль — это радость технического прогресса, выраженная в искусстве. Австрийская живопись периода упадка — прославленный Art nouveau Климта и Шиле — полна цветения и торжества жизни¹³. Новые течения в музыке только в Вене сформировались в особый стиль, который получил название Новой венской школы и связан с именами Шёнберга, Вебера, Хиндемита. Это было своего рода торжество точных методов в музыке, что тоже стало знаком XX в.

Для австрийской науки начало столетия — также время расцвета. Многие из наметившихся тогда возможностей реализовались уже после падения империи, в 1930-е гг., и не на родине, а в эмиграции. Так было с психологией Фрейда и венской экономической школой Карла Менгера, которые вполне оформились уже в Америке, с философией Витгенштейна, приобретшей влияние в 1930-е годы, но сложившейся в начале века¹⁴. Начало всему этому было дано в Австрии на рубеже столетий. Но при всех философских и социологических достижениях того времени, австрийская наука не выработала критической теории собственного общества (так же как и советская наука в период развитого социализма). Философы ограничивались позитивизмом и критикой языка (Sprachkritik).

Итак, мы возвращаемся к совокупности причин, вызывавших гибель монархии, и потенциалов, заложенных в ней для того, чтобы в той или иной форме продлиться и повлиять на будущность Европы. Непрерывный с XVII в. упадок определялся военными поражениями, перемещением на Восток и потерей экономически развитых областей, экономической отсталостью по сравнению с соседней Германией, что повлияло на ориентацию буржуазии, консервативной идеологией католической церкви, прогерманской политикой Габсбургского дома, традиционностью феодально-крестьянского общества провинций и нежеланием Франца-Иосифа допускать какие-либо перемены в государстве. Продуктивной в этом анахроническом имперском организме была лишь духовная культура, складывавшаяся в городах и прежде всего в Вене. Ее питали диспропорции развития этнических социальных групп, которые были столь губительны для имперской экономики и политики. Прежде всего, будучи центром огромных территорий, сравнительно слабо урбанизированных, Вена стягивала в себя все творческие и прогрессивные силы этих областей. Миграция интеллигенции (более всего европейской) из Галиции и Буковины, а также из иных районов в Вену была очень интенсивной. Население Вены в 1910 г. составляло 2 млн., тогда как сейчас — 1,5 млн. А главный архитектор Вены Отто Бауэр рассчитывал на рост численности ее жителей до 6 млн. в 1930-е годы. Вена — единственная столица Европы, чье население уменьшилось в XX в.¹⁵

* Österreichisches Erlebnis. Moskau, 1973. Сборник многообещающе назван «Событие по-австрийски» и представляет как бы специально подобранную иллюстрацию к вышеизложенному тезису. «Событие по-австрийски» оказывается тем решающим действием, которого все ждут, но которое так и не совершается. Единственное, что «делают» герои этой книги, — это внезапно умирают или переживают смерть близких и дорогих им людей. Всего остального они не делают, они переживают то, что с ними происходит, пассивно отдавшись «потоку времени», который либо выносит их на обочину истории, либо разбивает в щепки. Так через призму индивидуальной судьбы проявляется будущее всего общества.

Некоторые из мигрантов с окраин нашли специальное применение своим навыкам в столице. В Вене были чешские повара и няни, чешские традиции в приготовлении пищи сильны по сей день. Евреи пополняли ряды людей свободных профессий и банкиров. Многие из жителей владели несколькими языками, немецкий был весьма престижным, однако языки других этносов сохранялись. Чтобы дети овладели несколькими языками, им нанимали иностранных нянь.

Неожиданностью для нынешних зрителей венгерского телевидения было выступление Отто фон Габсбурга, сына последнего императора Карла, который прекрасно говорил по-венгерски. В то же время в Моравии, Каринтии, Крайне были жесточайшие конфликты между германоязычным и славянским населением по поводу языка школы и общественной жизни.

После германской по происхождению группы наиболее значительный вклад в культурное развитие Австро-Венгрии внесли евреи. Они были расселены преимущественно в городах и пригородах Вены, Будапешта, Праги. В Альпах им разрешили селиться лишь после 1867 г. В то же время около 10% населения Вены составляли евреи. В городе были улицы, носившие черты провинциального еврейского местечка. Однако еврейская интеллигенция была сильно ассимилирована австро-германской культурой. Это подразумевало владение немецким языком, лояльность к Габсбургскому дому, активное участие в политической жизни государства и, как правило, христианизацию¹⁶. Но подчеркнем, что австрийские евреи переходили в протестантизм, а не в католицизм. То, что евреи достигли значительных успехов в бизнесе, науке и искусстве, в то же время стимулировало антисемитизм. Поскольку католическое мышление не принимало новых идей (просвещения, например), а католическая этика практически исключала бизнес, в особенности финансовые операции, эти сферы деятельности были оставлены евреям, и они разрабатывали их весьма успешно. Если осмыслить этот процесс в категориях веберовского труда «Протестантская этика и дух капитализма», то для Австрии евреи сыграли ту же общественную роль, что пуритане и другие протестанты для Западной Европы. Они были бродильным элементом в формировании современной духовной культуры.

Конец империи наступил с поражением в первой мировой войне. Многонациональная австро-венгерская армия не имела соответствующего снаряжения и подготовки, сильно зависела от германского снабжения и поддержки. Так что поражение после четырех лет войны было обусловлено не столько стратегическими, сколько экономическими причинами. В конце 1918 г. не было последней битвы, а только перемирие с Италией, что и привело к тому, что войска просто разошлись по своим домам: в Чехию, Словению, Хорватию, Венгрию, Штирию, Каринтию — в родные города и деревни. До нынешнего дня неясно, насколько расчленение империи было действительно желанием и решением ее народов. Но была и декларация президента Вильсона из 14 пунктов, которая обещала каждому народу его собственное государство. В то же время были довольно сильные группы среди элиты всех национальностей империи, проникшиеся стремлением иметь собственное государство. Таков конец Австро-Венгерской монархии. Собственно Австрия сократилась до Альпийских провинций и тех своих исконных земель по берегам Дуная, с которых она начала экспансию в средние века под властью Габсбургов.

Наследниками империи стали государства: Чехословакия, Венгрия, Австрия и Югославия. Остальные части ее оказались в составе Польши, а впоследствии Советского Союза, Румынии и Италии. В межвоенное время все эти страны оказались в экономическом кризисе и, за исключением Чехословакии, в них установилась авторитарная система правления. После германской оккупации во второй мировой войне все они, кроме Австрийской республики и, конечно, Италии, вошли в сферу влияния Советского Союза и уже в 1940-е гг. стали странами народной демократии с правящими коммунистическими партиями. Только Австрийская республика в 1940-х годах возвратилась к западному типу демократии и рыночной экономике, но все же этой стране пришлось пройти долгий путь экономического развития до 1960 г., чтобы вернуться на уровень, предусмотренный к 1914 г. Восстановление культуры после авторитаризма 1930—1940-х годов потребовало еще большего времени. Только с 1970-х годов мы наблюдаем то же интеллектуальное многообразие, какое существовало в первые 30 лет XX в. В

сознании Запада Австро-Венгерская монархия исчезла и была забыта, так что многие удивились (прежде всего сами современные австрийцы), когда в 1970-е годы поднялась дискуссия независимо в разных точках бывшей империи о чем-то, называемом Центральной Европой, понятии, которое полностью соотносено с ареалом Австро-Венгерской монархии. И примечательно, что эта идея возникла в Праге и Будапеште как форма протеста против советской гегемонии, а также в северных областях капиталистической Италии, где Триест и Милан принадлежали еще не так давно Габсбургской монархии и это открывало перед ними большие, чем ныне, экономические и культурные возможности. Лишь позднее концепция Центральной Европы стала обсуждаться в Австрии. Благодаря ценному вкладу таких чешских и венгерских интеллектуалов, как Милан Кундера и Георгий Конрад, писавших о культурном ареале Центральной Европы, возникло взаимное притяжение этих областей, стремление установить коммуникации и совместными усилиями возродить или продолжить то, что было культурой Австро-Венгерской монархии начала века и может развиваться в центральноевропейскую традицию. Только благодаря этим людям западная интеллигенция открывает для себя вновь Центральную Европу. Сами австрийцы останавливались перед принятием этой идеи исторического единства стран монархии. Лишь в 1986 г. заместитель мэра Вены Эрхард Бузек вместе с Эмилем Бриксом (нынешним консулом Австрии в Кракове) написали книгу «Проект Центральной Европы», в которой они пытаются обрисовать австрийские ожидания в связи с развитием этого региона¹⁷.

Дискуссия о Центральной Европе, привлекая внимание Запада, вначале имела отношение только к истории и культуре, но после падения Берлинской стены и воссоединения Германии она приобрела и политическое значение. Только в последнюю очередь, в конце 1980-х годов, западногерманские ученые заинтересовались идеей центральноевропейской общности. Но после объединения Германии их внимание к проблеме значительно возросло. И сейчас каждый известный ученый старается высказать мнение о Центральной Европе. Теперь и весьма солидный американский журнал посвятил выпуск¹⁸ концепции Центральной Европы.

С началом вывода Советской Армии из стран, составлявших ранее Варшавский договор, восстановление там демократии западного типа и началом развития рыночной экономики географическое и политическое пространство между озером Констанца и карпатскими хребтами, между Прагой и Триестом пытаются вновь приобрести свою историческую роль в Европе. В то время как несколько лет назад объявлено было только намерение восстановить культурную непрерывность, сейчас появляются движения за политическую кооперацию. Италия пригласила Австрию, Венгрию, Чехословакию и Югославию в такое архисовременное объединение, как «Пентагонале», участники которого образуют политический союз, строят единую коммуникационную систему, единый информационный блок, проводят общую экологическую политику, распределяют некоторые хозяйственно-информационные функции. В основе этого образования лежит историко-культурная общность примерно в пределах Австро-Венгерской монархии. Сейчас эти страны пытаются вместе решать общие проблемы в области экологии, транспорта, бизнеса и информации, каждая страна имеет свою рабочую группу по этим проблемам. В рамках Европейского сообщества итальянцы с помощью «Пентагонале» ищут нечто для противопоставления возрастающей мощи и влиянию объединенной Германии. Итак, через 75 лет после распада Австро-Венгрии мы с удивлением наблюдаем восстановление культурных, экономических и политических структур, которые социологически могут восприниматься как функциональные эквиваленты, аналогичные структурам ушедшей в прошлое монархии.

Прежде чем перейти к напрашивающимся аналогиям и различиям между Советским Союзом и Австро-Венгрией, отметим, что некоторые явления духовной жизни и научные идеи, характерные для периода падения империи, стали универсальными в современном мире. Прежде всего это предощущение конца, выразившееся так ярко в литературе, искусстве и науке. Если интеллектуалы империи предчувствовали ее конец, Гумплович теоретически обосновывал конечность империй в принципе¹⁹, то наш современник Пол Кеннеди пишет о неизбежности

конца всех империй в наше время²⁰, а Фукуяма, подобно поэту Карлу Краусу, переживающему конец мира, доказывает неизбежность конца истории уже в наши дни с трансформацией противостоящих систем и ослаблением враждебности (что, очевидно, наступает в последнее время)²¹. Согласно его теории, когда Советский Союз и США перестанут быть враждебными соперниками, история кончится, так как исчезнут стимулы к развитию. Вообще современные историко-философские интерпретации прошедшего века чаще всего акцентируют не развитие, а трансформацию, что связано с ощущением мира не как продолжающегося, а как завершенного, обреченного на уничтожение в своем нынешнем качестве и возрождение уже в ином.

Подобной политической концепцией трансформации стала в Советском Союзе идея «перестройки». Невозможность сохраниться в прежнем качестве была очевидна. Однако проблемы решались уже иным путем. Габсбурги избрали традиционный средневековый выход — войну. СССР попробовал это, введя войска в Венгрию и Чехословакию, ввязавшись в войну в Афганистане. Однако нынешнее правительство попыталось отказаться от экстенсивных методов укрепления государственного авторитета. Вместе с тем причины, приведшие к нашему упадку, сопоставимы с причинами упадка Австро-Венгрии и вполне закономерны. Экономическая отсталость, в особенности по сравнению с быстро развивающимися соседями, характерна для обеих империй. Советский Союз проиграл экономическое соревнование с Западом подобно тому, как Австро-Венгерская монархия проиграла свою войну, и примерно с теми же последствиями. Как политика Габсбургской династии не удовлетворяла интересы народов, входивших в империю, так и социально-экономическая система Союза, очевидно, находится в противоречии с интересами республик. Освобождение от центральной власти представлялось и в том и в другом случае необходимым условием для выхода из кризиса.

Несопоставимы уровни жизни частей монархии, городов и сельской местности, разных классов породжали надежды, что, когда части ее станут самостоятельными, они обеспечат благосостояние своих народов и уменьшат социальное неравенство. Однако этого не произошло. Никто не разбогател на развалинах монархии, центр потерял значительно, а бывшие провинции остались более или менее при своем. Более того, политический режим, установившийся в новообразованных государствах, часто был еще менее прогрессивным и демократическим, чем в Габсбургской монархии. Об этом свидетельствует установление полуфашистского хортистского режима в Венгрии, авторитарной монархии Югославии и, наконец, присоединение самой Австрии к фашистской Германии.

Особую остроту в период социального кризиса приобретает конфликт поколений. Проблема отцов и детей в Австро-Венгерской монархии начала века ощущалась очень болезненно. Поколение 70-х годов XIX в. формировалось под сильным влиянием либеральной буржуазии и в преданности Габсбургскому дому. Отставание от бисмарковской Германии и переживший два поколения монарх, удерживавший старые формы правления и сохранявший старую администрацию, вызывали разочарование молодежи начала столетия. В ее среде усиливались националистические настроения, расцветал антисемитизм (которым не были поражены отцы), росло недоверие к правительству и стремление противопоставить себя всем официальным нормам и устоявшимся традициям. Мы уже упомянули выше знаменитый венский Ring — символ исторической преемственности и функциональной обоснованности стилей. В противоположность ему art nouveau не продолжает традицию, а закладывает новую, развившуюся в постмодернизме.

Аналогично в Советском Союзе конфликт поколений в брежневский период приобрел катастрофические размеры и формы. Разочарование молодых в прежних идеалах, недоверие ко всему официальному, незаинтересованность молодежи в результатах своего труда и равнодушие к карьере породили взаимное неприятие поколений огромной силы. Одним из знамений перестройки стал фильм «Легко ли быть молодым?», с его гуманистическим стремлением вернуть социальный авторитет молодежи. Престарелый, неспособный к принятию решений правитель у власти (Брежнев, так же как Франц-Иосиф), социальная автаркия и демагогия поставили советское общество перед проблемой потерянного поколения. Горькое сравнение напрашивается и между готовностью монарха принести в жертву неизменности молодое поколение в первой мировой войне (подобно то-

му, как он без сожаления принял известия о самоубийстве своего первого сына — Рудольфа и убийстве второго — Франца-Фердинанда) и легкостью, с которой брежневское правительство отправило свою молодежь умирать в Афганистан. Перестройка и борьба за национальные суверенитеты — это своего рода попытка отсрочить будущее, вернуть обществу его молодежь, которая все больше стремилась к прямой или внутренней эмиграции.

Характер миграционных процессов в Австро-Венгерской монархии и Советском Союзе также сопоставим. В конце XIX — начале XX в. самый мощный поток иммигрантов в Северную Америку давала Австрия. Внутри страны миграция шла из деревни в город из слаборазвитых областей в экономически более продвинутые, что увеличивало диспропорции и усиливало внутреннее напряжение. Расстановка сил на политической арене Советского Союза накануне перестройки также напоминает Австро-Венгрию перед ее распадом: администрация и армия поддерживают правительство, а интеллигенция более всех стремится к переменам. Однако перемены в Австро-Венгрии оказались губительными для интеллигенции. После распада империи и при фашизме Австрия в значительной степени потеряла свой культурный потенциал, усилилась эмиграция интеллигенции (особенно еврейской)²². Распались или переместились знаменитые венские кружки. Та противоречивая ситуация творческого подъема в условиях экономического и политического кризиса, которая характеризовала начало столетия, уступила место более цельной, но менее вдохновляющей ситуации тотального кризиса.

Каким же видится будущее Советского Союза в свете примера Габсбургской империи? Возможно, подобно тому как прошлое Австро-Венгерской монархии сохраняет свое влияние по сей день, так достижения советской науки и искусства, трагедия совместно пережитой истории обусловят взаимное притяжение так стремящихся освободиться друг от друга частей «Советской империи» и смогут подвинуть их на сотрудничество иного типа.

Дезинтеграция империи предполагала также разрыв устоявшихся экономических связей. Обширный рынок империи распался на новые рыночные территории. Это означало экономический упадок для всех частей, но особенно тяжелый для Вены и всей Австрийской Республики. Однако в Советском Союзе не было большого рынка, и хотя большой всегда лучше маленького, может быть, в исключительном случае лучше начать с образования малых рынков, с тем, чтобы объединить их впоследствии.

Наконец, сложный вопрос идеологии и религии. После падения империи в Австрии усилился политический католицизм. Священник даже стал первым министром. Это встретило ожесточенное сопротивление социалистической партии. Политический конфликт превращался в псевдорелигиозный. Аналогичной проблемой для Советского Союза является идеологический вакуум, который образовался в результате дискредитации официальной коммунистической идеологии. Вопрос в том, чем заполнится этот вакуум — религией, новой идеологией, просто потребительским сознанием или чем-то иным.

На примере Австро-Венгрии можно выявить также проблему власти при дальнейшем развитии СССР. Как уже говорилось выше, Габсбургская монархия прекратила свое существование, когда вполне исчерпала себя. В ее недрах не развилась новая устойчивая этнополитическая система. Австрийская Республика не вышла из кризиса, в котором изнемогла империя. Экономический упадок, активная эмиграция, политическая нестабильность и этническое тяготение к укрепляющейся Германии сделали аншлюс желанным и закономерным выходом из тотального кризиса. Еще не оформившаяся нация приветствовала деспотизм. Что же ожидает Советский Союз, привыкший в течение стольких лет к персонификации власти? Установится ли в нем демократия, устоит ли она при тотальном экономическом кризисе — эти вопросы остаются открытыми.

* * *

Статья была написана более года назад, когда разговор о распаде СССР и банкротстве коммунистической партии мог показаться кому-то преждевременным. Но вот произошел реакционный государственный переворот — и это послу-

жило катализатором процесса. Последняя империя канула в прошлое вместе со своей идеологической основой. Стремительно образующиеся суверенные республики стоят перед сложной проблемой создания той политической культуры, которая необходима для подлинно независимого государства. Прибалтийским странам с их традицией буржуазной демократии легче, остальным приходится начинать заново.

Бывший Советский Союз стоит на пороге тех же преобразований, что и посткоммунистическая Европа: демократизация и либерализация государственных структур, введение свободного рынка, интеграция в мировые экономические и политические структуры. Очевидно, и развитие событий будет подобным: сначала ужесточение границ, взаимные претензии республик, апелляция к Западу как третьей стороне. Постепенно — формирование открытой взаимосвязанной экономической системы, в которой устанавливается внутренний баланс и коллективное представительство перед Западом. Хотя соперничество за инвестиции и партнерство с развитыми капиталистическими странами в Восточной Европе не прекращается, под влиянием извне сформировалась польско-чешско-венгерская коалиция. Американские партнеры рассматривают ее как единый рынок труда и сбыта, осуществляют комплексную экономическую программу в этом регионе, способствуют координации экологических и транспортных программ этих республик.

Скорее всего следует ожидать устойчивых альянсов в пределах историко-этнографических общностей на территории бывшего СССР, как это сложилось в «Пентагонале» (впрочем, уже секстагонале: те же и Польша на территориях бывшей Австро-Венгерской монархии). И стоит посмотреть на эту модель как на перспективную.

Что касается гарантии прав народов в новообразующихся государствах, то важнейшая гарантия здесь — соблюдение прав человека. В таком случае права народов утрачивают свою актуальность. И для современной Европы актуальны, пожалуй, не проблемы прав национальных меньшинств, а программы помощи меньшинствам. Вот за них идет борьба. Но нашим молодым национальным государствам предстоит еще долго «взрослеть» для таких проблем.

Примечания

- ¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N. Y., 1987; Walletschtein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European Economy. N. Y., 1980.
- ² Fukuyama F. Das Ende der Geschichte?//Europäische Rundschau. 1989. № 4.
- ³ Die Habsburger Monarchie III — Die Völker des Reiches/Hgb. Wandruszka A., Urbanitsch P. Bd. 1—2. Wien, 1980.
- ⁴ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen, 1920.
- ⁵ Flora P. Stein Rokkans Makro-Madell der politischen Entwicklung Europas//Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1981. № 3.
- ⁶ Kennedy P. Op. cit. P. 202.
- ⁷ Ibid. P. 283.
- ⁸ Ibid. P. 216.
- ⁹ Mayer T. Prinzip Nation. Opladen, 1986.
- ¹⁰ Ringel E. Die Österreichische Seele. Wien, Köln, Graz, 1984.
- ¹¹ Winter E. Romantismus, Restauration und Frühliberalismus im Österreichischen Vormärz. Wien, 1968.
- ¹² Schorske C. Fin de siècle Vienna. N. Y., 1981.
- ¹³ Johnston W. Österreichische Kultur und Geistesgeschichte. Wien, Köln, Graz, 1974.
- ¹⁴ Stadler F. Vertriebene Vernunft. Wien, 1987—1988. Bd. I—II.
- ¹⁵ Die Habsburger Monarchie I — Die wirtschaftliche Entwicklung/Hgb. Wandruszka A., Urbanitsch P. Wien, 1973.
- ¹⁶ Janik A., Toulmin S. Wittgenstein's Vienna. N. Y., 1973.
- ¹⁷ Busek E., Brix E. Projekt Mitteleuropa. Wien, 1986.
- ¹⁸ Daedalus. Winter 1990.
- ¹⁹ Gumpalowic L. Der Rassenkampf. Innsbruck, 1892.
- ²⁰ Kennedy P. Op. cit.
- ²¹ Fukuyama F. Op. cit.
- ²² Stadler F. Op. cit.